

ДОЛГАЯ ДОРОГА

В гостях хорошо, а дома лучше. Это истинная правда. И слова эти знает каждый, кто хоть раз в жизни покидал родные места, жил вдали от своих близких, был в разлуке с любимыми. Для писателя и поэта Виктора Слипечука, большого друга редакции «Аргументов недели» и нашего постоянного автора, тема возвращения домой стала живым воплощением истинного счастья. Ведь большую часть своей фантастически наполненной жизни — трудной, порой просто драматичной — Виктор Трифонович провёл вне дома. В морях и океанах, на стройках и в геологических экспедициях, в поездах, самолётах, в бесконечных командировках по всему земному шару. На канале ОТР вышла авторская передача Дмитрия Кириллова «Моя история», посвящённая творчеству и непростому жизненному пути Виктора Трифоновича СЛИПЕЧУКА.

Здесь начиналась жизнь моя

Слипечук с детства мечтал быть писателем. Причём таким, про которого бы люди говорили: «Он пишет правду! Он знает жизнь!» И событий, произошедших в реальной жизни Виктора Трифоновича, было столько, что хватало бы сразу на несколько человеческих судеб.

Ещё 40 лет назад поэтический и писательский дар Виктора Слипечука оценил сам Василий Быков, благословивший молодого коллегу работать много, писать честно, образно, живо.

Слипечук знает, что такое двенадцатибалльный шторм и звёздное тропическое небо, кровавые мозоли на руках от невыносимо тяжёлого труда на рыболовном траулере и жизнь в тайге на стройке. Он пересек экватор и находился два года под следствием по обвинению в хищении государственного имущества в особо крупных размерах. О гнусном навете тогда узнали Михаил Горбачёв и Сергей Михалков, остановившие поток лжи.

И всё, что происходило в жизни, весь свой опыт, Виктор Слипечук переносил на бумагу. Ему ничего не пришлось выдумывать. Жизнь сама подсказывала сюжеты будущих поэм, романов, рассказов и стихотворений.

Синеют сопки, даль дымится,
И птичий гомон у ручья.
Вода искрится, серебрится. —
Здесь начиналась жизнь моя.

Аэродром и автострада,
И лес, и трели соловья,
Шатры из листьев винограда. —
Здесь начиналась жизнь моя.

В прогалах лунных
лукоморье —
Плывёт волшебная ладья.
И даль, и близь сошлись —
Приморье. —
Здесь начиналась жизнь моя.

Алеет небо, звёзды гаснут,
Вновь птички трели у ручья.
И верю, что не понапрасну —
Здесь начиналась жизнь моя.

— Виктор Трифонович, ваша жизнь — это многотомник. Вышло уже восемь томов, выходит девятый. Жизнь — как большое-большое кино. Как всё начина-

лось? Мальчишка живёт в глухой деревне...

— Наша Черниговка не была глухоманью, это районный центр. У нас большой военный аэродром.

— Принято. И вот этот мальчишка где-то увидел книжку «Земля Санникова». Где вы её откопали?

— Это отдельная история. Мне так хотелось прочесть «Землю Санникова». Я много раз ходил в библиотеку, а там говорят — нет её, никак не возвращают. Она была в единственном экземпляре. Я у библиотекаря попросил адрес человека, у которого находится книга. Говорю — я сам пойду к нему, раз он не несёт. Нашёл этого мальчишку. Он говорит — я её другому отдал. Взял адрес этого другого. И я ходил от одного адреса к другому. Дело было зимой, наступала ночь, а идти нужно было через кладбище. Какие-то собаки во тьме бегают и подвывают. И всё-таки мне её отдали. А она уже вся такая зачитанная, потёртая. Я положил книгу за пазуху и

побежал домой. Отец сидел за столом, ужинал. Спрашивает у меня, что случилось. Говорю — «Землю Санникова» добывал. Он попросил показать книгу. Я достал её из-за пазухи. Отец полистал книгу и говорит: «Да, зачитанная книга. Наверное, интересная».

Что-то было в этом парнишке особенное. Как и другие пацаны, живой, озорной. Помогает отцу и матери по хозяйству. А чуть только свободная минутка выпадет — летит в библиотеку. И уносят эти книги Витю в какую-то неведомую даль. Он улетает далеко-далеко, путешествуя во времени и пространстве. Точно, фантазёр. Да ещё и стихи пишет. Отец был горд — вот какой у нас сын! Поэт, однако!

— И вот однажды я написал стихотворение о Петруше. Сначала заинтересовались братья. Потом отец взял его — а он был не простой человек, председатель колхоза! — и отдал в газету «Черниговский колхозник». А там его

взяли и опубликовали. Отец принёс газету домой, даёт мне и говорит: «Там опубликовано твоё стихотворение». Я был потрясён и не мог поверить. До сих пор помню, как курсивом внизу было написано «В. Слипечук». Для меня даже время перестало существовать, остановившись. Но оказалось, что это ещё больше потрясло отца. Он будто увидел перед собой другого человека и не мог узнать — я это перед ним или не я?

Видимо, не зря Витя столько времени пропадал в библиотеке. Просто так ведь стихи не рождаются.

— Я много читал. Перечитал в библиотеке все книги, которые есть. Когда меня записали в центральную библиотеку, я брал по несколько книг сразу. Далеко же ходить за каждой по отдельности. И меня вдруг решили проверить. Спрашивают — а ты эту книгу читал? Читал. А эту? Читал. Показывают «Декамерон». А эту читал?

Нет, говорю, эту не читал. Дали мне «Декамерон». Приношу через три дня. Открывают «Декамерон» и спрашивают — а что в такой-то новелле? Как сейчас помню, это была новелла про весталку и пастушка. Я рассказываю — весталка шла в храм мимо пастуха. А он заснул, и ветром ему длинную рубаху отбросило, а весталка присела и стала разглядывать то, что ей не положено. «Хватит! — воскликнула библиотекарьша. — Давай другую!» А другая ещё хуже, в ней про то, как женщина обманула мужа и любовника. «Стоп! — кричит библиотекарь. — Мы твоей матери скажем, какие ты книги читаешь». А я догадался — так они эту книгу сами не читали, поэтому мне и дали. А я-то думал, что раз в

библиотеке работают, то все книги знают.

Семья

Такому мальчику в Литературный институт бы надо. Да рано-вато. Помимо книг Витя ещё любит море.

— У всех мальчишек с нашей улицы основная мечта была стать моряком, а как вершина достижения — капитан дальнего плавания. Как и все, после десятилетки я пошёл в Находкинское мореходное училище. У меня нашли какие-то чешуйки в глазах и рубцы на перепонках. Стою в коридоре, плачу. Выходит врач, которая меня проверяла. Спрашивает: «Чего плачешь? Придёт время, будешь меня благодарить». Видимо, у неё муж моряк.

— Но в тот момент было ощущение горя?

— Конечно. Очень большого горя.

Что же теперь делать? Морские просторы, дальние страны, капитанский мостик на корабле — всё рухнуло. Детские мечты разбились о серые и совсем не романтические будни. Но отец, Трифон Аксентьевич, не позволил Вите унывать. Сказал — не прошёл в моряки, будешь поступать в сельхозинститут. Учиться надо обязательно. Трифон Аксентьевич пользовался непререкаемым авторитетом в семье и на работе. Был выдающимся председателем колхоза. Народ его любил за честность и врождённое чувство справедливости.

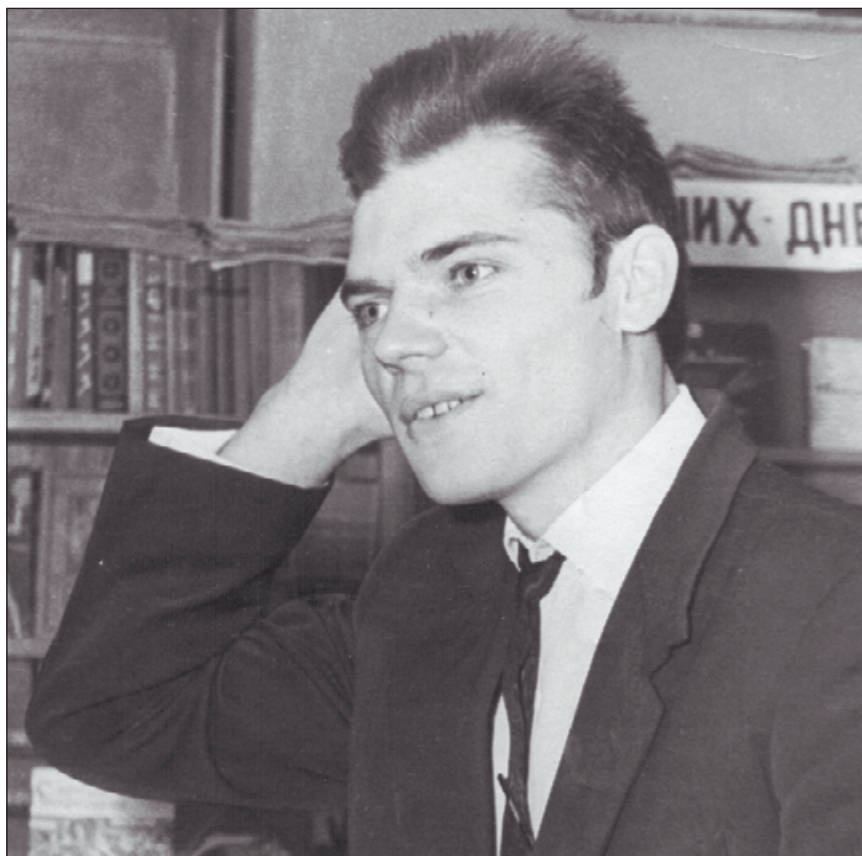
— Отец, когда приехал в Приморье, был безграмотным. Но все переселенцы считали его очень грамотным. Потому что он окончил ликбез. И он стал председателем колхоза.

— Причём бессменным, его же избирали бессчётное количество раз.

— Именно так. Потому что в него все верили. Колхоз был в передовых. Более того, после войны отец был одним из сорока человек на Дальнем Востоке, получивших медаль «За трудовую доблесть». Это считалось настолько почётным, будто он на войне побывал. У нас под боком, в 20 километрах, стояла японская Квантунская армия. Из наших краёв не забирали мужчин в армию, потому что опасались, что японцы могут атаковать в любой момент, и нужно, чтобы кто-то мог быстро пополнить ряды нашей армии на этом направлении. И мама тоже получила такую медаль. Она на тот момент была матерью-героиней.

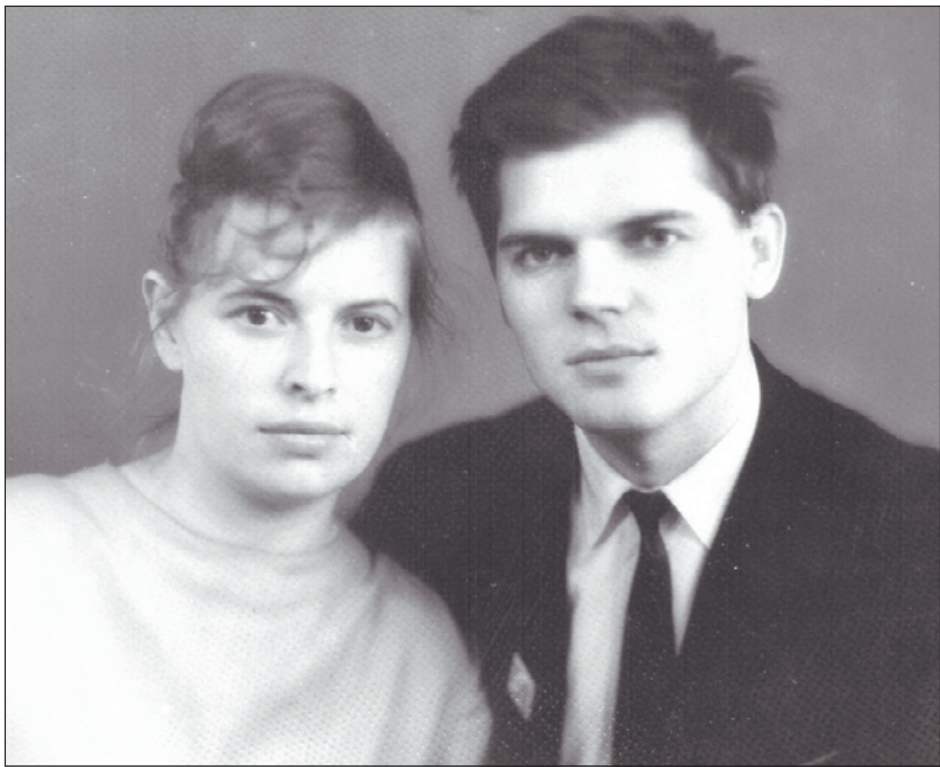
Слипечуки — семья многодетная. Семь детей вырастили Трифон Аксентьевич и Наталья Антоновна. Причём бывали дни, когда в доме совсем нечего было есть. А односельчанам и в голову не могло прийти, как такое возможно у председателя колхоза? Ничего, выжили. Витя в семье был самым младшим, пока не появилась сестра Лариса. Слипечуки удочерили девочку, оставшуюся после войны сиротой. «Не беда, шестерых на ноги поставили, вырастим и седьмую».

— Слышу, кто-то на крыльце обивает валенки. Выбегаю на крыльцо. Там отец поставил какой-то узел в шубейке. Выскакивает мама и начинает причи-

ВИКТОРА СЛИПЕНЧУКА

тать. А я наблюдаю, как появляется Лариска, совершенно лысая, одетая очень «модно» — в одежду из японских мешков из-под сахара, с печатями- иероглифами на плече, на груди, на спине. Мама её раздевает, а отец показывает на меня и говорит: «А вот это Виктор Трифионович Слипенчук». Я от такого представления просто ошалел. Лариска была похожа на цаплю, худюшная, тонконогая. Цапля цаплей. А у меня в заглазнике были американские галеты. Я ей и говорю: «Как тебе повезло, что я твой брат. Я всё это отдаю тебе». И отдал ей свои галеты.

Повезло всем детям в семье. Родители дали всем образование. У каждого была профессия. Лариса, например, выучилась на швею и стала замечательной закройщицей. А Витя стал зоотехником, окончил Омский сельхозинститут, где на студенческом празднике нашёл свою вторую половинку — Гаюю.

«Встретил её на новогоднем балу. Слово током ударило. Пол ушёл из-под ног. Благо оркестр заиграл и вся масса народу, точно одно живое тело, задвигалась, заколебалась. И ничего не оставалось, как пригласить её на танец». (Отрывок из автобиографической повести В. Слипенчука «Огонь молчания».)

Он не верил собственному счастью, чтобы с ним танцевала такая удивительно красивая девушка. Княгиня Волконская! Золотистое платье, туго стянутое в талии белым широким поясом, белые крепдешиновые перчатки по локоть, и волосы, взятые в узел. Королева!

— Когда вы встретились с Галей?
— Играет музыка, саксофон, девочки стоят. И вдруг я вижу её. И мне страшно к ней подходить! Хочется, но страшно! Я понимаю, что я никто и звать меня никак. А ёлка стоит, играет джазовый оркестр — у нас уже увлеклись джазом. Народ начал танцевать. И меня будто подтолкнули, и я увидел, что иду к ней. И она не отказала! Золотое платье, на нём васильки, как звёзды. Что-то космическое. У меня была шоколадка, хотел угостить её. А она рас-

таяла. А Галя рассмеялась — ничего, и такая пойдёт. Это меня так обрадовало! А потом я испугался своей любви. Не понимал, что происходит, я не мог уже ни о чём думать. И то же самое с ней творилось. Ей надо защищать диплом...
— ...А у неё Витя в голове.
— Да, настоящий ужас!

Любовь — это состояние, похожее на болезнь. И Витя попал в больницу. А Галя не знала, что и думать, искала его. И отыскала, и приехала проведать. Привезла в больницу то, чем любимый кормил её на новогоднем балу. Витя не знал, что шоколад Галя ему купила на последние деньги.

— Тогда я узнал, что она каждый месяц 10 рублей посылала маме. Она у неё была безграмотная и не получала даже пенсии по старости. И Галя старалась изо всех сил, чтобы получать повышенную стипендию и иметь возможность посылать маме деньги.

Виктор тогда не знал, что Галины родители были репрессированы. Их выслали на север Томской области как врагов народа. Раскулачили и реабилитировали только при Хрущёве. Дочка-студентка — единственная надежда.

— Когда их реабилитировали, они переехали в Тару. Я видел, в какой развалюхе они там живут. Это нельзя было назвать даже сло-

вом «нищета». Отец целый день махал молотком и чинил обувь — у него не работали ноги. Получается, я сын «красного председателя», а она — дочь кулака.

— Свадьба была комсомольская?
— Да. Сами приносили шампанское, водку, в складчину собирали

ещё крепче стискивает объятия и, чувствуя себя виноватым, шепчет: «Зачем, зачем мучились?» «Боялись опоздать», — сообщает дочь, выкарабкиваясь откуда-то из-под руки. И вновь замирает. И они стоят, обнявшись, чувствуя, что сердца и мысли у них едины. И времени нет, оно исчезло». (Отрывок из автобиографической повести В. Слипенчука «Огонь молчания».)

Первое расставание произошло, когда Виктор ушёл в армию. Галя была в положении, и своего сына, первенца Михаила, Виктор увидел только спустя 11 месяцев. И не важно, что был институт за плечами. Служба в армии — дело чести. Бронетанковые войска, секретная часть, индекс 437.
От армейского начальства скрыть ничего невозможно. Наверху доложили, что Слипенчук до армии работал журналистом на телевидении.

«Чингис-Хан»

С Галей Виктор прожил 51 год. Они воспитали двоих детей, Михаила и Наталью. И дождалась внуков. Их у деда Виктора семеро. Жили в любви, радости и беды делили вместе. И были неразлучны, особенно в последние годы. Ведь поначалу судьба их бесконечно разлучала. Галя месяцами ждала любимого. И это счастье долгожданной встречи невозможно передать словами.

«...Он бросается к жене и дочери и обхватывает сразу обеих. И нет ни первых, ни вторых «я». Они вместе. И разве можно кого-то из них оглядывать отдельно, со стороны? Не отнимая головы от груди, Татьяна жалуется: «Всю ночь на вокзале!» В ответ он

ещё крепче стискивает объятия и, чувствуя себя виноватым, шепчет: «Зачем, зачем мучились?» «Боялись опоздать», — сообщает дочь, выкарабкиваясь откуда-то из-под руки. И вновь замирает. И они стоят, обнявшись, чувствуя, что сердца и мысли у них едины. И времени нет, оно исчезло». (Отрывок из автобиографической повести В. Слипенчука «Огонь молчания».)

Первое расставание произошло, когда Виктор ушёл в армию. Галя была в положении, и своего сына, первенца Михаила, Виктор увидел только спустя 11 месяцев. И не важно, что был институт за плечами. Служба в армии — дело чести. Бронетанковые войска, секретная часть, индекс 437.

От армейского начальства скрыть ничего невозможно. Наверху доложили, что Слипенчук до армии работал журналистом на телевидении.

— Когда мы только прибыли и лежали на матрасах, заходит майор и говорит: «Кто умеет писать сценарии?» И я говорю: «Я могу». Он говорит: «А чем ты можешь подтвердить?» А у меня, когда я шёл в армию, уже вышел коллективный сборник стихов, в котором было несколько моих стихотворений. И я ему говорю: «Вот, пожалуйста, лирика». Он посмотрел и спросил: «Как фамилия?» Я назвал. Он отозвал меня в сторону, говорит: «Будешь писать сценарий о 40-летию нашей дивизии». И вот все проходят курс молодого бойца, а я иду в Дом офицеров, где был музей. Смотрю, а там под стеклянными пирамидками висят разные мундиры и среди них генеральский. И я вдруг решил его примерить.

— Хулиган.
— И вот я надел генеральскую форму. А знаете, как в армии устаёшь? Я прилёл, только чуть-чуть, дай, думаю, отдохну... И мгновенно уснул. Вдруг слышу: «Товарищ генерал! Товарищ генерал! Вставайте, а то сейчас уборщица придёт». Это был наш замполит Осипов. И вот там, в музее, я начал писать «Чингис-Хана».

— Откуда он к вам явился? Вы же писали сценарий к 40-летию части.

— Как раз это обстоятельство и сыграло свою роль. Я осмелел. Я же до того не писал прозы, только стихи. И вот тогда-то я стал придумывать образы и сюжеты. «Из-под тяжёлых век смотрел на него заблудший издёрганный человек». То есть я хотел увидеть Чингисхана человеком.

Великий Даосский монах, постигнувший сущность Дао, На девяти журавлях Принёс неземную славу.

И расступились воины, И поднялась гора, На пиках горело солнце, Входящее в глубь шатра.

А следом старец великий, При жизни ставший святым, Шествовал, многоликий, В халате синем, как дым. (Отрывок из поэмы В. Слипенчука «Чингис-Хан».)

— Я, честно сказать, не верил, что мою поэму когда-нибудь опубликуют. Не было у меня такой уверенности. Но когда я её прочитал в красном уголке, она всем понравилась.

Но только спустя почти полвека поэма «Чингис-Хан» увидела свет. Как поверить в свои силы? Важно, чтобы тебя признали. И первым человеком, поддержавшим самородка Слипенчука, стал поэт Марк Соболев. Ещё до армии Виктор на семинаре Соболева прочёл свои стихи и получил высокую оценку: «Пиши, парень, пиши!»

Наш ротный барабанщик Такой большой чудак! Наш ротный барабанщик С улыбкою всегда. Наш ротный барабанщик С усиками-клин, Наш ротный барабанщик Лёва-армянин.

И то, что плохо знает Он наш язык, — обман. Его мы понимаем, Играл бы барабан. Его мы понимаем, И если он в строю, То нашу роту просто По шагу узнают.

ДОЛГАЯ ДОРОГА ВИКТОРА СЛИПЕНЧУКА

Окончание.
Начало на с. 18-19

Первый успех

Как же это было важно тогда — узнать, что твои стихи нравятся слушателям! В армии родилось стихотворение «Барабанищик», которое с восторгом было принято публикой в Политехническом институте в Барнауле на литературном слёте. Туда по окончании Витиной службы рванули два друга, два малоизвестных, но талантливых и подающих надежды молодых человека: поэт Слипенчук и влюблённый в поэзию Валера Чаптынов, ставший, кстати, впоследствии первым президентом Республики Алтай.

— Приехал в Барнаул, в политехнический, где проходил «День поэзии», Валера Чаптынов там учился на последнем курсе. Прихожу, смотрю списки выступающих, меня в списке нет. Мы пошли в зал. Смотрим, всё заполнено студентами, даже радиолокола вынесли на улицу. Тогда к поэзии относились немножко по-другому. Читающий был народ. Сели с Валерой около прохода возле входных дверей в зал. Я ему отдаю свой баул, с которым приехал, говорю: «На, Валера, держи. Сейчас будут проходить поэты, я встану, пристроюсь к ним и пойду на сцену. Что я, зря пять часов в тамбуре ехал, на поезде тряса? Тем более аудитория моя, студенческая». А поэты приехали со всей страны — из Москвы, Ленинграда, Красноярска, Новосибирска. Причём поэты не начинающие, а те, что на слуху. И вот идут они по проходу, и я пристроился к процессии. И уже на сцене встал и заявил: «Я прочту патристическое стихотворение «Комсомол». Сзади начались смешки, подколы такие неприятные. Но я не стал на это обращать внимания. И прочёл. Слышу, тишина абсолютная. Я повернулся садиться. И вдруг взрыв. Ликующие крики, включили свет на полную мощность. И кричали: «Давай ещё читай!»

— Да. А на следующий день я уехал в колхоз, где работал зоотехником, инспектором, организатором. Это был далёкий колхоз под названием «Память Ленина». Раньше он назывался «Шесть лет без Ленина». Такое название было, хоть смеяли, хоть плачь. И вот люди за шесть лет без Ленина так наворожали, что это был самый отстающий колхоз, каких просто невозможно найти. А в Барнауле пустили слух, что меня арестовали.

— Да. А на следующий день я уехал в колхоз, где работал зоотехником, инспектором, организатором. Это был далёкий колхоз под названием «Память Ленина». Раньше он назывался «Шесть лет без Ленина». Такое название было, хоть смеяли, хоть плачь. И вот люди за шесть лет без Ленина так наворожали, что это был самый отстающий колхоз, каких просто невозможно найти. А в Барнауле пустили слух, что меня арестовали.

Под будёнками чубы
вспенены,
На портретах иная эпоха.
Комсомольцы, знавшие
Ленина,
Нам сегодня без вас плохо.
Комсомол наш сейчас
не у дел,
Нынче жирным стал
комсомол.
И от ваших геройских дел
Лишь оставил
с графинчиком стол...

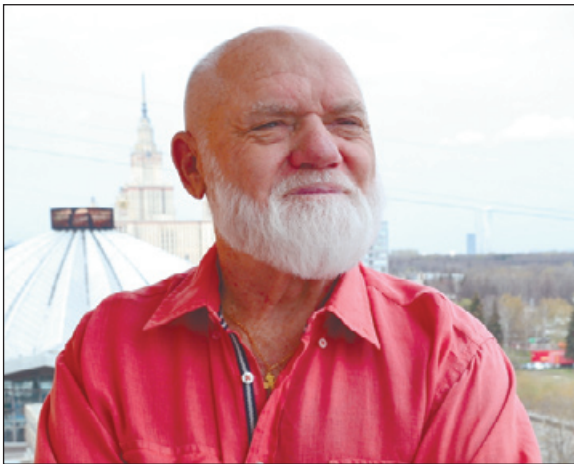
Но портреты живой
революции
На райкомах висят
для проката.
И под ними строчат
резюми
Начинающие бюрократы.

— И тут у меня микрофон перехватывает поэт Илья Фонаков и кричит в зал: «Вы кому аплоди-

руете? Слипенчук сейчас вас оскорбил. А вы говорите ему — как красиво ты нас оскорбил, спасибо тебе за это!» Но зал как взорвел, и прогнали его.

— Это был первый успех. Это вас вдохновило, вы увидели реально, что зрители вас слушают, аплодируют.

— Да. А на следующий день я уехал в колхоз, где работал зоотехником, инспектором, организатором. Это был далёкий колхоз под названием «Память Ленина». Раньше он назывался «Шесть лет без Ленина». Такое название было, хоть смеяли, хоть плачь. И вот люди за шесть лет без Ленина так наворожали, что это был самый отстающий колхоз, каких просто невозможно найти. А в Барнауле пустили слух, что меня арестовали.

Слухи распространяли те, кому Слипенчук мешал. Таланту не прощают. Видимо, слишком громко о себе заявил. А тут ещё и сборник стихов подготовил к изданию. Ответ из редакции пришёл быстро: «Ваши стихи, молодой человек, нам не подходят». И всё, без каких-либо объяснений.

Зов моря

Где черпать силы? Где искать вдохновение? Нет ни сил, ни вдохновения, да и банально денег нет. Галя с маленьким Мишей остаются на берегу, а Виктор уходит в море. В конце концов, он же должен осуществить заветную мечту? Море на несколько лет разлучило Виктора с семьёй.

— Все мои друзья стали моряками. И не простыми, они все дошли до капитанов. Мой старший брат — капитан дальнего плава-

ния. Мне тоже хотелось побывать в морях. И я ушёл в море. Вначале стоял на фасовке. Иногда, чтобы подработать, несмотря на всякие конвенции, мы выходили в места, где нельзя ловить серого окуня. Но мы его ловили. Потом окуня нужно было быстро расфасовать. А он же колючий, гад. Пробивает любые перчатки. Снимаешь перчатки, а руки все красные, проколоты. Идёшь, как в лазарете, во сне ребята стонут. Многие из армии пришли подзаработать, и некоторые не выдерживали. Уходили, так и не доработав, и оставались должны. Потом мне начальник, завпроизводством, говорит: «Пойдёшь работать мукомолом». И меня отправили в трюм. Там только вентилятор, и ничего не видишь. Рыбу надо пропустить через дробильную установку и перемолоть в муку, а потом затарить мешки. Я ночью сплю, и мне снится, что я зашиваю мешок. И дышать в трюме нечем. Вылезаю оттуда в плавках, весь мокрый, смотрю на небо и думаю: «Господи, небо одинаковое, что в Америке, что в России». Я как будто с того света возвращался, весь жёлтый, в этой муке и в плавках.

— Скаким трудом давались деньги!
— В Черниговке в библиотеке прочли мой рассказ «Просверк клинка». Говорят: «Виктор Трифонович, мы даже не представляли, что вы так тяжело работали». Это меня очень сильно тронуло. Но зато этот адский труд дал мне возможность впервые почувствовать себя человеком. Уходя в море, я сразу написал: маме и отцу — 50 рублей, жене — 150 рублей, ещё кому-то там по мелочам. И только остальное себе.

— За столом главным сидит обязательно адмирал. Этот адмирал, когда увидел, что я подтянутый, весь начищенный, как новенький чемоданчик, говорит: «О, служил, сразу вижу, что наш. Служил в морфлоте?» Я говорю: «Нет, в бронетанковых». А секретарь пишет то, что начальник сказал. То есть пишет «Служил в морфлоте». Адмирал спрашивает: «Где живёшь?» Я говорю: «Да в Барнауле». — «Что, через Гонолулу в Барнаул ездил? А почему не здесь живёшь?» Я говорю: «Квартиры нет». — «Дать квартиру!»

— Скаким трудом давались деньги!
— В Черниговке в библиотеке прочли мой рассказ «Просверк клинка». Говорят: «Виктор Трифонович, мы даже не представляли, что вы так тяжело работали». Это меня очень сильно тронуло. Но зато этот адский труд дал мне возможность впервые почувствовать себя человеком. Уходя в море, я сразу написал: маме и отцу — 50 рублей, жене — 150 рублей, ещё кому-то там по мелочам. И только остальное себе.

Восемь месяцев не видел родных, восемь месяцев ада. Сойдя на берег, переполняли чувства: «Домой, домой, к родным!» Нужно это дело с друзьями обмыть.

— На берегу я хорошо выпил, и меня полностью обворовали. Не на что даже домой лететь. Заходит секретарь парторганизации, где я работал, спрашивает: «Ну как? Хочешь ещё пойти?» Я говорю: «Да с удовольствием, хоть завтра». Он говорит: «Нет, съез-

ди домой недельки на две. А там пойдёшь». И через две недели я иду в моря уже первым помощником. Я попал к Василию Проконьевичу Черкасову. Человек изумительный, он научил меня смотреть на море как на хлебное поле.

На рыболовецких траулерах Слипенчук прошёл полземли. Был в разных странах, видел разные моря. После возвращения на берег Виктора Трифоновича отправили в высшую школу при крайкоме партии. После четырёх месяцев учёбы комиссия под председательством самого первого секретаря выносит вердикт: подходит человек на руководящую работу или нет. Страшно, ведь на собеседование дают всего три минуты на человека.

— За столом главным сидит обязательно адмирал. Этот адмирал, когда увидел, что я подтянутый, весь начищенный, как новенький чемоданчик, говорит: «О, служил, сразу вижу, что наш. Служил в морфлоте?» Я говорю: «Нет, в бронетанковых». А секретарь пишет то, что начальник сказал. То есть пишет «Служил в морфлоте». Адмирал спрашивает: «Где живёшь?» Я говорю: «Да в Барнауле». — «Что, через Гонолулу в Барнаул ездил? А почему не здесь живёшь?» Я говорю: «Квартиры нет». — «Дать квартиру!»

— Скаким трудом давались деньги!
— В Черниговке в библиотеке прочли мой рассказ «Просверк клинка». Говорят: «Виктор Трифонович, мы даже не представляли, что вы так тяжело работали». Это меня очень сильно тронуло. Но зато этот адский труд дал мне возможность впервые почувствовать себя человеком. Уходя в море, я сразу написал: маме и отцу — 50 рублей, жене — 150 рублей, ещё кому-то там по мелочам. И только остальное себе.

— Скаким трудом давались деньги!
— В Черниговке в библиотеке прочли мой рассказ «Просверк клинка». Говорят: «Виктор Трифонович, мы даже не представляли, что вы так тяжело работали». Это меня очень сильно тронуло. Но зато этот адский труд дал мне возможность впервые почувствовать себя человеком. Уходя в море, я сразу написал: маме и отцу — 50 рублей, жене — 150 рублей, ещё кому-то там по мелочам. И только остальное себе.

— Скаким трудом давались деньги!
— В Черниговке в библиотеке прочли мой рассказ «Просверк клинка». Говорят: «Виктор Трифонович, мы даже не представляли, что вы так тяжело работали». Это меня очень сильно тронуло. Но зато этот адский труд дал мне возможность впервые почувствовать себя человеком. Уходя в море, я сразу написал: маме и отцу — 50 рублей, жене — 150 рублей, ещё кому-то там по мелочам. И только остальное себе.

— Я написал повесть «Преодоление», где не изменил ни одной

фамилии, все настоящие. И написал в повести правду про приписки. Как мы шутили: яму зарыл — отдай. И в результате ни ямы, ни денег. Тогда пришёл новый человек из крайкома партии и звонит мне. Говорит: «Мне ваша повесть очень понравилась, но я предлагаю вам её не публиковать». Я говорю: «Нет, если вы разрешите, пусть она идёт». Он говорит: «Ну смотрите, вы пожалеете».

Слипенчук стал негоден системе. Зачем пошёл против неё? Такое не прощают. Был бы человек, а дело найдётся, причём уголовное. Его как раз завели в прокуратуру с расчётом на стопроцентную посадку этого несговорчивого автора. И статью нашли, 93-ю, «хищение в особо крупных размерах».

Виктор Трифонович поступает на Высшие литературные курсы. В Москве он студент и под следствием. Галя превратилась в тень. Она обрывает телефоны знакомых, не спит ночами. Вчерашние друзья, видя её, переходят на другую сторону улицы.

Перестройка стала спасением для Слипенчука. Заблестел зелёный лучик надежды.

И трепещу, и полон страха
В надежде, что мои труды
Во времени — не горстка праха,
А горсть моей живой воды.

В стране началась новая эпоха. А в жизни Виктора Слипенчука — долгожданное время признания. Время новых книг, новых читателей. Теперь они с Галей всегда вместе. И в Новгороде, где Виктор Трифонович возглавил газету «Вечер» и готовил празднование славянской письменности и культуры. И в разных странах, на разных континентах, где переводились его книги.

И Галя всегда была рядом. Она и сейчас где-то высоко, наблюдает за любимым Витей и молится за него с небес.

Чудесная белая птица,
Ей одиноко одной.
Она на карниз садится
И тихо следит за мной.

В заоблачной дальней дали,
Где море голубизны,
Мы с нею вдвоём летали,
Там царствуют наши сны.

На самом высоком месте
Единственное из гнёзд
Мы свили с любимой вместе
На рукаве из звёзд.

— Скажи, как живёшь, родная,
Птица моей мечты?
— В разлуке с тобой одна я,
И знаю — один и ты.

И птица моя улетает,
И горестно мне на земле.
И, словно слеза, мерцает
Звезда на оконном стекле.

Семь внуков и семь томов произведений Виктора Слипенчука увидели свет. В серии «Мастера русской прозы» готовится к печати восьмой том. И идёт работа над девятой книгой. А значит, жизнь продолжается, жизнь настоящего русского поэта, наполненная смыслом.

Дмитрий КИРИЛЛОВ

Официальный сайт писателя
www.slipenchuk.ru